

К оценке информационного потенциала «Книг памяти» в сравнении со следственными делами жертв «Большого террора»

Аннотация: В статье рассматриваются возможные источники для анализа социального портрета жертв «Большого террора» (1937–1938 гг.). С этой целью дается оценка информационного потенциала «Книг памяти жертв политических репрессий», содержащих краткие биографические данные о репрессированных. «Книги памяти» сопоставляются с материалами архивно-следственных дел, которые заводили в правоохранительных органах на всех арестованных в годы «Большого террора». В них биографические сведения можно найти как в однотипных анкетах, так и в протоколах допросов и различных справках. В исследовании использован сравнительный метод. Сопоставляются два источника: мартиролог «Бутовский полигон», в который включали сведения о расстрелянных на полигоне в подмосковном Бутово, и следственные дела репрессированных, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ). Анализируются типичные расхождения и ошибки в обоих видах источников. В статье сделан вывод, что хотя следственные дела и содержат более полную биографическую информацию, она зачастую противоречива и нуждается в проверке. «Книги памяти» включают наиболее достоверные биографические сведения из следственных дел. Соответственно, данных «Книг памяти» может быть достаточно для построения базового социального портрета жертв политических репрессий.

Annotation: The article examines the possible sources for an analysis of the social portrait of the “Great Terror” victims (1937–1938). For this purpose it becomes important to give an assessment of the information potential of the “Memorial Books of the Victims of Political Repressions”, which contain short biographical data of the repression victims. The “Memorial Books” are compared with the archival investigational dossiers, which were compiled by the law enforcement agencies on all those arrested during the “Great Terror”. The files recorded biographical data in standard forms, as well as in interrogation protocols and various certificates. This research applied the comparative method of analysis. Two sources are being compared: the passionary of the “Butovo firing range”, where data about those executed on the firing range in Butovo was recorded, and the investigation files of those repressed, stored in the State Archive of the Russian Federation (GARF). The divergences and errors in both these sources are of particular interest. The article comes to the conclusion that although the investigation files contain more complete biographical information, it is often contradictory and needs verification. The “Memorial Books” contains more reliable biographical information than the investigation files. Consequently, the data in the “Memorial Books” can be sufficient to create a basic social portrait of the victims of political repression.

Ключевые слова: следственные дела, Книги памяти, информационный потенциал, социальный портрет, репрессии, Большой террор, источниковедение, история XX века, сталинизм, Бутовский полигон

Key Words: investigation files, Memorial Books, information potential, social portrait, repressions, Great Terror, source studies, XXth century history, Stalinism, Butovo firing range.

В ходе «Большого террора» в СССР в 1937–1938 гг. были арестованы около 1,5 млн человек, из них почти 700 тысяч впоследствии были расстреляны. Масштаб этого явления подталкивает исследователей к тому, чтобы изучать не только биографии отдельных жертв политических репрессий, но и в целом социальный портрет репрессированных. Базой для таких исследований могут

стать любые источники, которые содержат информацию биографического характера.

Наиболее полным источником такого рода являются следственные дела жертв политических репрессий. В силу различных причин, и прежде всего ограничений, связанных с положениями российского законодательства о «защите тайны личной жизни», исследователям, не имеющим письменных разрешений от родствен-

ников, не всегда легко получить доступ к этому источнику. Кроме того, из-за большого количества и объема следственных дел пострадавших в годы «Большого террора» исследователи, как правило, используют либо небольшую выборку из следственных дел¹, либо изучают репрессии на микроуровне².

На наш взгляд, для обработки биографической информации также вполне уместно обращаться к т.н. «Книгам памяти» – сборникам кратких биографий репрессированных, которые составлялись силами различных организаций и ведомств с начала 1990-х гг. Историко-просветительскому обществу «Мемориал» удалось объединить большинство «Книг памяти» в масштабную базу данных «Жертвы политического террора в СССР»³. Она позволяет исследователям получить доступ к 2,6 млн биографических справок на репрессированных. Использовать ее, однако, надо с определенными ограничениями. В ряде регионов «Книг памяти» нет, или они заведомо неполны. Однако в некоторых регионах эти источники достаточно полны, и исследователь получает возможность анализировать почти 100% сведений о всей совокупности репрессированных в данных областях, краях или автономных республиках⁴.

«Книги памяти» составлялись на основе архивных данных. В различных регионах в них включали разную информацию, однако в большинстве биографических справок есть данные о возрасте, поле, местах работы репрессированных, датах их ареста, осуждения, исполнения приговоров, о том, какой орган и по какой статье их осудил. Такая информация, после статистической обработки, может быть использована для составления социального портрета репрессированных⁵.

¹ См., например: Жданова Г. Д. Статистический анализ реализации приказа № 00447 в Алтайском крае в октябре 1937 – марте 1938 г. // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938. Массовые операции на основе приказа № 00447. М., 2009.

² См., например: Ватлин А. Ю. Террор районного масштаба: «Массовые операции» НКВД в Кунцевском районе Московской области 1937–1938 гг. М., 2004.

³ Жертвы политического террора в СССР [Электронный ресурс]. 4-е изд. М., 2007.

⁴ Об этом подробнее см.: Лагушкина Л. А. Репрессии как элемент мобилизационного развития СССР 1930-х годов: к оценке информационного потенциала «Книг памяти» // Труды кафедры новейшей истории России Челябинского государственного университета. Челябинск, 2013. Т. 7. С. 95–97.

⁵ Автором статьи был проведен анализ «Книг памяти» ряда регионов, которые представляются достаточно полными. См.: Лагушкина Л. А. Социальный портрет репрессированных в

Однако при работе с «Книгами памяти» профессиональным историкам приходится сталкиваться с рядом проблем. Во-первых, не всегда ясен первоисточник информации⁶. Кроме того, «Книги памяти» критикуют за то, что они упрощают биографию того или иного репрессированного, не всегда сохраняют все разнообразие данных, что есть в источнике. Наконец, нередко приходится сталкиваться с мнением, что «Книги памяти» содержат немало опечаток, сделанных в процессе оцифровки, а также ошибок, допущенных при сборе информации.

Цель данной статьи – сравнить информационный потенциал «Книг памяти» и архивно-следственных дел и выявить, насколько два этих источника подходят для восстановления социального портрета жертв «Большого террора». Для этого в статье будут сопоставлены биографические справки из книги памяти «Бутовский полигон»⁷ с архивно-следственными делами репрессированных в г. Москве и Московской области, которые хранятся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ)⁸.

Стоит отметить, что существует целый комплекс исследований, посвященный такому источнику, как архивно-следственные дела жертв политических репрессий⁹. Гораздо менее под-

ходе Большого террора (1937–1938 гг.): анализ базы данных по «Книгам памяти» Нижегородской области // Историческая информатика. 2012. №1 (сентябрь). С.30–43; Её же. Социальный портрет репрессированных в ходе Большого террора в Башкирской АССР: анализ базы данных по региональному «Книгам памяти» // История сталинизма: Жизнь в терроре. Социальные аспекты репрессий: Материалы международной научной конференции. Санкт-Петербург, 18–20 октября 2012 г. / сост. А. Сорокин, А. Кобак, О. Кувалдина. М., 2013. С. 305–316.

⁶ К сожалению, в предисловиях далеко не ко всем изданиям есть сведения о том, откуда составители «Книг памяти» брали информацию. В разных случаях это могли быть архивно-следственные дела, либо документы, в которых содержалась информация о делах репрессированных (например, протоколы «троек»). Только первые «Книги памяти» составлялись на основе устных рассказов родственников жертв репрессий, в дальнейшем их редакторы, безусловно, обращались к архивным источникам.

⁷ Бутовский полигон. 1937–1938 гг. Книга памяти жертв политических репрессий. Вып.1–8. М., 1997–2004.

⁸ ГА РФ. Ф. 10035. Оп.1, 2.

⁹ См., например: Журавлев С.В. Судебно-следственная и тюремно-лагерная документация // Источниковедение по новейшей истории России: теория, методология, практика. М., 2004. С. 153–210; Его же. Современные методы и новые источники изучения истории России XX века. М., 2010; Его же. «НКВД напрасно не сажает»: особенности изучения следственного делопроизводства 1930-х гг. // Социальная история. Ежегодник, 2004. М., 2005. С.371–402; Ватлин А. Ю. Следственные дела 1937–1938 гг. // Бутовский полигон. Книга памяти жертв политических репрессий. М., 2004. Вып. 8. С.

робно в историографии разбирался потенциал «Книг памяти»¹⁰. Тем более интересным представляется сравнение этих двух источников.

I. Книга памяти «Бутовский полигон»

В книгу памяти «Бутовский полигон» вошли данные о тех репрессированных, которые, согласно сохранившимся спискам, были расстреляны на одноименном секретном полигоне НКВД в подмосковном Бутово. Восемь выпусков «Бутовского полигона» опубликованы в 1997–2004 гг. В них приведена информация о более чем 20700 репрессированных. Большинство томов предваряют статьи, посвященные тем или иным группам репрессированных или истории самого Бутовского полигона, написанные в том числе и профессиональными историками. В книгах есть копии документов, фотографий и базовая статистическая информация.

Краткие биографические справки на репрессированных в книге памяти «Бутовский полигон» содержат следующую информацию:

- ФИО репрессированного;
- Год рождения;
- Место рождения;
- Национальность;
- Образование;
- Партийность;

148–218; Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора. М., 2008. С. 352–404; Серегина И. Г. Крестьянство Калининской области в Большом терроре: следственные дела бывших кулаков как исторический источник // Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447. М., 2009. С. 151–176; McLoughlin B. Documenting the Death Toll: Research into the Mass Murder of Foreigners in Moscow, 1937–38 // Perspectives (American Historical Association Newsletter). Vol. 37. № 5. 1999.

¹⁰ Кириллов В. М. Увековечение памяти жертв политических репрессий в России (по материалам Книг памяти) // [Электронный ресурс]. URL: <http://vi.krsk.ru/arhiv.asp> (дата обращения: 13.05.2014); Состояние работы над книгами памяти жертв политических репрессий в России, Казахстане и Украине: сборник материалов по проекту «Возвращенные имена» / Сост. В. М. Кириллов. Нижний Тагил, 2002; Резникова А. Книги памяти как исторический источник // Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал»: сайт. URL: <http://www.memo.ru/memogu/martirol/books.htm> (дата обращения: 13.05.2014). Иванов К. Ю. Информационные возможности «Книг памяти жертв политических репрессий» для восстановления истории религиозных организаций юга Западной Сибири // Проблемы истории, историографии и источниковедения России XIII–XX вв.: Материалы конференции, посвященной памяти профессора А. А. Говоркова. Томск, 2003. С. 203–208. Об информационном потенциале книг памяти см. также: Лягушкина Л. А. Репрессии как элемент мобилизационного развития СССР 1930-х годов: к оценке информационного потенциала книг памяти.

- Место работы и должность;
- Место проживания;
- Дата ареста;
- Осудивший орган;
- Дата вынесения приговора;
- Обвинение;
- Дата расстрела;
- Место захоронения (Московская обл., Бутово);
- Дата реабилитации;
- Место хранения дела репрессированного.

Имеющиеся в справках сведения позволяют получить обобщенные данные о возрасте репрессированных, их национальности, партийности, уровне образования, о том, каким органом они были осуждены и к каким мерам наказания. На основе сведений «Книги памяти» можно также построить динамику арестов, осуждений, расстрелов, подсчитать, когда арестованные были расстреляны. Проанализировав графу «место работы и должность» и обобщив эти данные, можно сделать выводы о социальном положении репрессированных. Также можно обобщить или нанести на карту места рождений арестованных и места их проживания¹¹.

Однако при работе с «Книгами памяти» неизбежно возникает вопрос: насколько можно доверять информации, которая в них содержится? Могли ли составители мартирологов допускать серьезные ошибки, опечатки, не находились ли они под влиянием каких-либо идеологических или других соображений?

В рамках данного исследования была проведена выборочная проверка 101 биографической справки из книги памяти «Бутовский полигон». Сведения из базы данных были сопоставлены со следственными делами, которые хранятся в ГА РФ. В ходе этой работы были выявлены следующие основные типичные ошибки составителей «Книг памяти».

Чаще всего в «Книгах памяти» встречаются ошибки в написании имен и географических наименований. Особенно много их в тех случаях, когда речь шла о репрессированных с необычными именами и фамилиями, либо родив-

¹¹ Попытки нанести на карту адреса людей, которых репрессировали в Москве и Московской области, делались в обществе «Мемориал», а также рядом отдельных исследователей. См.: Rivers of blood in Moscow: The Great Purge personified / [Электронный ресурс] : Блог Дмитрия Скугаревского. URL: <http://memoryfull.ru/purge/repressions.html> (дата обращения: 12.06.2014); Топография террора: Лубянка и окрестности / [Электронный ресурс] : Возвращение имен. URL: <http://october29.ru/wp/gorod/> (дата обращения: 12.06.2014).

шихся за пределами Российской империи. Например, в «Книге памяти» Абрамсон Касриэль Абрамович назван Касриелем¹². Правда, подобное написание встречается и в ряде документов, которые есть в следственном деле – например, в постановлении об избрании меры пресечения. Однако, на наш взгляд, создатели «Книг памяти» должны были ориентироваться на анкету арестованного и другие документы, которые доносят более достоверную информацию.

Постоянно встречаются ошибки в написании географических наименований. Так, Чигиринский район на Украине оказался Черкизовским¹³, деревня Ошурково стала Ущурковой¹⁴. Применительно к местам рождения иногда используется дореволюционное административное деление, а иногда – 1930-х гг. Стоит отметить, что даже в следственных делах в разных документах встречаются по 3–4 различных написания географических наименований, и установить, какое из них верное, в некоторых случаях можно только с привлечением сторонних источников, а иногда и вовсе не представляется возможным.

Сходный характер носят ошибки в названиях должностей и мест работы арестованных, которые также встречаются в делах нередко. Однако определить точное название и написание должностей и организаций сложно и по следственным делам. Например, в постановлении на арест Я. М. Зильберштейн был назван «бригадиром» на электрозаводе АТЭ-1. В анкете он стал просто «слесарем по ремонту». В характеристике с места работы – «бригадиром по текущему ремонту станков». В анкете, предваряющей протокол допроса – снова «слесарем»¹⁵. На наш взгляд, наиболее верно было бы ориентироваться на справку с работы, так как там должны были точно знать должность Зильберштейна. Составители «Книги памяти», тем не менее, ориентировались на анкету или протокол допроса, и назвали этого репрессированного «слесарем по ремонту». Однако общий род деятельности, который говорил о социальном положении репрессированных, в «Книге памяти», как правило, передается верно.

Часто в следственных делах и в «Книге памяти» дается неточная информация о дате ареста репрессированных.

Иногда встречаются ошибки на несколько месяцев или дней, однако чаще всего речь идет о разнице в день. Например, Э. К. Ванаг, согласно документам, был арестован 10 марта 1938 г., однако в книге указано 11 марта¹⁶. Само по себе это не удивительно, так как аресты, как мы знаем из литературы, в основном проходили ночью. Анкета арестованных, на которую, по всей видимости, ориентировались составители «Книги памяти», в основном составлялась после доставки задержанного в НКВД. На наш взгляд, более адекватным было бы считать датой ареста ту дату, которая зафиксирована в протоколе ареста и обыска.

Отдельный предмет постоянных неточностей – сведения о партийности арестованного. Во многих случаях аресту предшествовало исключение из партии, и почти всегда человека исключали после ареста, т. е. к моменту расстрела он уже был беспартийным. Какие сведения о партийности репрессированного стоит давать в «Книгах памяти» в такой ситуации? На наш взгляд, важно, чтобы во всех случаях был одинаковый подход к этой характеристике. Например, указывать партийность только на момент ареста или, допустим, за месяц до ареста. К сожалению, единой политики в этом отношении в книге памяти «Бутовский полигон» нам выявить не удалось. В некоторых случаях составители указывали партийный стаж человека, в некоторых – отмечали, когда именно он был исключен, в других просто писали об отсутствии членства в партии. Например, у кандидата в члены ВКП(б) с 1931 г. Ф. Ф. Баяки в ходе обыска изъяли кандидатскую карточку, т. е. на момент ареста он оставался кандидатом¹⁷. Затем, когда Баяки уже находился под арестом, он был исключен. В «Книге памяти» этот человек назван просто беспартийным. Совершенно другая логика была применена к делу А. Я. Буша. При аресте этого члена ВКП(б) с 1918 г. у него был изъят партбилет. Затем, очевидно, уже под арестом, его исключили из партии, что отразилось в обвинительном заключении¹⁸. В «Книге памяти» этот человек был назван членом ВКП(б).

Таким образом, на наш взгляд, хотя в «Книге памяти» и есть ошибки, ее использование в целях составления социального портрета репрессированных представляется вполне оправданным.

¹² ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-49657.

¹³ Там же. Оп. 2. Д. 19454. Дело Васюренко Ф. В.

¹⁴ Там же. Оп. 1. Д. П-31783. Дело Зарубиной А. А.

¹⁵ Там же. Д. П-27076. Дело Зильберштейна Я. М. Л. 1,4,6,7.

¹⁶ Там же. Д. П-38129. Дело Ванага Э. К.

¹⁷ Там же. Д. П-44840. Дело Баяки Ф. Ф.

¹⁸ Там же. Д. П-29097. Дело Буша А. Я. Л. 4, 38.

данным. Сведения об имени, точные наименования места рождения и места жительства для статистической обработки, как правило, не нужны. Тем более, точные данные об этих деталях биографий не так просто найти и в следственных делах. Ошибки в дате ареста встречаются не слишком часто, и, как правило, разница в 1–2 дня не играет большой роли с точки зрения динамики массовых репрессий. Точные наименования должностей и мест работы арестованных для обобщающих исследований не так важны, главное, что передана суть – социальное положение репрессированных. Лучше с осторожностью использовать данные о партийности арестованных, однако в любом случае процент репрессированных членов ВКП(б) был в масштабах массовых операций сравнительно небольшим. Достаточно достоверны в «Книге памяти» сведения о дате рождения, национальности, уровне образования репрессированных. Можно изучать, каким органом они были осуждены к высшей мере наказания и когда они были расстреляны.

II. Архивно-следственные дела

Большинство (около 75%) дел на тех репрессированных, что были расстреляны на Бутовском полигоне, хранятся в фонде 10035 ГА РФ¹⁹. Фонд включает в себя прекращенные архивно-следственные дела почти на 100 тыс. задержанных по политическим преступлениям, которых вело Московское областное управление НКВД²⁰. Следственные дела были переданы в государственный архив из архива ФСБ.

Для начала остановимся на общей характеристике информационного потенциала следственных дел. В целом архивно-следственные дела содержат следующие группы документов (согласно классификации С. В. Журавлева²¹):

1) Документы о задержании и аресте (постановление об избрании меры пресечения, справка на арест, ордер на арест, протокол ареста и обыска, квитанции об изъятых вещах);

2) Документы о ходе следствия (анкета арестованного, протоколы допросов и очных

ставок, признательные показания в форме собственноручно написанного заявления, постановление об окончании следствия, обвинительное заключение);

3) Итоговые материалы следствия (решение суда или внесудебного органа, например, выписка из протокола «тройки», выписка из акта о приведении приговора в исполнение, наряд на отправку в место заключения);

4) Материалы, приобщенные к следствию (справки с места работы или из парторганизации, доносы или заявления от граждан, изъятая при обыске переписка арестованных, газетные вырезки, письма и ходатайства самих репрессированных и их родных и т.д.);

5) Материалы по реабилитации (справки проверок информации на репрессированного в различных архивах, характеристики с места работы, протоколы допросов старых и новых свидетелей, заключения прокурорских работников, проводивших перепроверку, о наличии оснований для реабилитации, определение или постановление судебной инстанции).

Все эти категории документов содержат ту или иную биографическую информацию, однако наиболее значимые сведения о репрессированных можно найти во второй группе – документов о ходе следствия. В частности, в краткой и удобной форме биографические данные перечисляются в анкете арестованного и в анкете, предвещающей первый протокол допроса. Остановимся подробнее на этих двух источниках.

В стандартных анкетах, которые использовались следователями НКВД в Москве и Московской области, были следующие вопросы:

1. Фамилия;
2. Имя и отчество;
3. Год и место рождения (с указанием области, края, района, города, села);
4. Постоянное место жительства (адрес);
5. Место службы и должность или род занятий;
6. Профессия и профсоюзная принадлежность, номер билета;
7. Имущественное положение в момент ареста (должны быть перечислены подробно недвижимое и движимое имущество: постройки, сложные и простые сельскохозяйственные орудия, количество обрабатываемой земли, количество скота, лошадей и пр., сумма налога сельскохозяйственного и индивидуального. Колхознику следовало указать имущественное положение до вступления в колхоз, время вступления в колхоз);

¹⁹ Остальные дела хранятся в архивах ГУВД по МО (около 10%), и различных ведомственных региональных архивах (в частности, Тульской, Рязанской, Калужской областей).

²⁰ ГА РФ. Ф. 10035: Управление Комитета государственной безопасности СССР (УКГБ) по г. Москве и Московской области.

²¹ См.: Журавлев С. В. Судебно-следственная и тюремно-лагерная документация. С. 170–197.

8. То же до 1929 г.;
9. То же до 1917 г.;
10. Социальное положение в момент ареста;
11. Служба в царской армии и чин;
12. Служба в белой армии и чин;
13. Служба в Красной армии (службы, воинская категория);
14. Социальное происхождение;
15. Политическое прошлое;
16. Национальность и гражданство;
17. Партийная принадлежность, с какого времени и номер билета;
18. Образование (подчеркнуть и указать точно, что закончил: варианты выбора – высшее, среднее, низшее, неграмотный);
19. Категория воинского учета;
20. Состоял ли под судом и следствием, а также приговор, постановление или определение;
21. Состояние здоровья;
22. Состав семьи (перечислить родителей, сестер, братьев, сыновей и дочерей, с указанием фамилии, имени и отчества, места службы и должности или рода занятий, адреса).

Первостепенный интерес для исследователя, занимающегося реконструкцией социального портрета, представляют пункты о годе и месте рождения, месте работы, социальном положении на момент ареста, партийности, национальности и гражданстве, образовании, месте жительства. Кроме того, для поиска причин ареста можно проанализировать анкетные сведения об имуществе репрессированных, о политическом прошлом и службе в белой армии, предыдущих арестах. Вспомогательную роль для реконструкции социального портрета репрессированных играют сведения о составе семей репрессированных, о состоянии здоровья арестованных, членстве в профсоюзах и т.д.

Однако стоит отметить, что далеко не все поля анкет заполнялись с требуемой тщательностью. Так, арестованных в Москве и области редко расспрашивали об их имуществе, далеко не всегда заполнялось, какое учебное заведение окончил арестованный, с какого года состоял в партии, небрежно заполнялись, например, поля о семье репрессированного, о состоянии его здоровья.

Сведения о «пятнах» в биографии (например, о службе в белой армии) могли в дальнейшем вообще не влиять в ходе следствия, что говорит об их вторичности для следователей. Вряд ли на основании этих данных можно однозначно утверждать, что они стали главной при-

чиной ареста. Например, в анкете С. А. Коршунова подчеркивалось, что его отец был кулаком с «тремя наемными рабочими», а в справке на арест было указано, что он был «личным секретарем Троцкого». Однако следователи, судя по материалам дела, решили не разрабатывать эти «линии», а построить обвинения на его «шпионской» и «вредительской» деятельности, которая якобы началась с вербовки в 1937 г. в националистическую организацию²². Латыша Я. Я. Балтауса, который имел два «пятна» в биографии («находился на территории Колчака с 1918 по 1919 гг.», «заходил в 1922 году в латвийское посольство»), обвиняли в участии в контрреволюционной националистической организации²³. В ходе продолжительных допросов следователей, судя по всему, интересовала прежде всего его текущая деятельность в латышском государственном театре «Скатувз», а не его социальное прошлое. Арест Балтауса был, скорее, связан с «раскручиванием» дела об этом театре, в ходе которого по «латышской» операции была арестована большая часть труппы, включая худрука²⁴.

Возникает также вопрос об общем доверии или недоверии к материалам анкет. На этих документах было указано, что: 1) «анкета заполняется четко и разборчиво со слов арестованного и проверяется документальными данными»; 2) «анкетные данные должны быть проверены в процессе следствия и отражены в обвинительном заключении или заключительном постановлении по делу». По косвенным данным можно судить, что сотрудники НКВД относились к заполнению анкет «как к пустой формальности», и их заполнял вспомогательный персонал²⁵ или даже сами арестованные от руки²⁶. Это, безусловно, повышает степень доверия исследователей к информации анкет. Арестованные должны были остерегаться давать ложную информацию,

²² ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-40747. Дело Коршунова С. А. Л. 5, 17.

²³ Там же. Д. П-26323. Дело Балтауса Я. Я. Л. 20-21.

²⁴ Там же. Л. 35.

²⁵ См. Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора. М., 2008. С. 359. В разгар массовых операций НКВД вообще привлекало к своей работе тех, кто имел к ней косвенное отношение. Например, пожарные службы, которые подчинялись наркомату. Об этом см.: Головкова Л. А. Особенности прочтения следственных дел в свете канонизации Новомучеников и Исповедников Российских // Альфа и Омега. 2000. № 4 (26). С. 209.

²⁶ Об этом см., в частности: Журавлев С. В. Современные методы и новые источники изучения истории России XX века. С. 144. Определить, что анкету заполнял сам арестованный, особенно легко в том случае, если он иностранец и плохо знал русский.

опасаясь последствий и не зная линии НКВД, а следователи на этапе сбора самых базовых биографических данных вряд ли имели время и желание их фальсифицировать.

Существуют, однако, свидетельства, что следователи НКВД в ряде случаев заполняли графы «национальность», «гражданство» и «предыдущие судимости» уже после получения подписи арестованного на анкете²⁷. Проверить, насколько массовым было это явление, фактически не представляется возможным.

Анкета, предвзвешивая первый протокол допроса, содержала примерно такой же набор вопросов в другом порядке. Основными отличиями является наличие граф «паспорт», «социальное положение до революции», «какие имеет награды (ордена, грамоты, оружие и др.)», «участие в бандах, к.-р., организациях и восстаниях», «сведения об общественно-политической деятельности». Анкеты перед первым протоколом допроса производят впечатление более подробных и проверенных. Часто бывало, что названия мест (особенно заграничных), искаженные в анкетах, в протоколе допроса написаны правильно. Например, в анкете арестованного М. И. Кондрашина местом его рождения называлось село «Гнелец», тогда как правильное написание – «Гнилец» – было отражено в протоколе допроса²⁸. Чаше более подробно, чем в анкете, раскрывалось, какие учебные заведения окончил арестованный. Например, в анкете арестованного было указано, что Д. С. Кохас «окончил начальное училище», а из протокола допроса становится понятно, что ему удалось также пройти «два года вечернего рабфака»²⁹.

Следует также учесть несколько общих соображений о биографических данных из архивно-следственных дел. Если следователям нужно было фальсифицировать «анкетные» сведения (хотя, как указано выше, это не было обязательно), то, прежде всего, это были данные о социальном происхождении арестованных (во многих делах арестованные из «сыновей крестьян-середняков» превращаются в «кулаков»), об их имуществе до 1929 г., об их раскулачивании и службе в царской армии. При желании этими сведениями можно было «подкрепить» обвинительное заключение.

Кроме того, следователи могли быть заин-

тересованы в фальсификации национальности осужденных. Еврей, выданный за поляка, был очень «удобен» для НКВД, так как его можно было провести по «польской» национальной операции. Однако материалы следственных дел показывают, что жертвами «национальных» операций часто становились русские, украинцы и пр. – их всегда можно было обвинить в связях со «шпионами», представлявшими соответствующую страну. Например, следователи Кунцевского районного отделения НКВД без каких-либо колебаний провели по «немецкой» операции русскую семью Пресновых, проживавших в с. Крылатское. Поводом к их аресту и обвинению в шпионаже послужило то, что у них однажды снимал дачу пресс-атташе немецкого посольства Шулле³⁰. Соответственно, подделка национальности репрессированных не всегда была необходимой при проведении «национальных» операций.

Стоит отметить еще одну проблему, которая затрудняет исследователям работу с анкетными данными: сами заполнявшие, похоже, не всегда понимали, о чем именно их спрашивали. Например, много вопросов вызывают зафиксированные в анкетах сведения о социальном положении и происхождении. Арестованные характеризовали свое социальное положение как «деклассированный элемент»³¹, «пенсия-служащий»³², а происхождение – «из кулаков-подрядчиков»³³, «сын казака»³⁴, «из кулаков, отец торговец»³⁵. «Ответы арестованных свидетельствуют о том, что в народе не было четкого представления об определении социального положения»³⁶, – отмечает И. Г. Серегина.

Кроме того, в анкетах, по букве закона, нужно было отмечать место работы на момент ареста. Так люди, лишившиеся поста незадолго до ареста, могли оказаться лицами «без определенных занятий», как, например, преподаватель Института востоковедения В. М. Крайнов, уволенный, по всей видимости, перед арестом³⁷.

³⁰ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-60951. Дело Преснова В. П. Подробнее о деле семьи Пресновых см.: Ватлин А. Ю. Террор районного масштаба.

³¹ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-73733. Дело Кондрашина М. И.

³² Там же. Оп. 2. Д. 19454. Дело Васюренко Ф. В.

³³ Там же. Оп. 1. Д. П-36037. Дело Кобзева С. Ф.

³⁴ Там же. Оп. 2. Д. 20745. Дело Кохаса Д. С.

³⁵ Там же. Оп. 1. Д. П-54813. Дело Королева А. А.

³⁶ Серегина И. Г. Крестьянство Калининской области в Большом терроре. С. 162.

³⁷ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 28931. Дело Крайнова В. М.

²⁷ Ватлин А. Ю. Следственные дела 1937–1938 гг. С. 193.

²⁸ ГАРФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-73733. Дело Кондрашина М. И. Л. 13, 15.

²⁹ Там же. Оп. 2. Д. 20745. Дело Кохаса Д. С. Л. 3, 16.

Сличение информации из различных документов в деле позволяет лучше понять, какие моменты биографии репрессированных могли быть сфальсифицированы, а какие нет. Этот же метод признается обязательным при работе с протоколами допросов арестованных, в которых также содержатся некоторые биографические данные или подробности. Например, если у задержанного было то или иное «пятно» в биографии (участие в восстаниях, проживание за границей), его почти во всех случаях об этом подробно допрашивали. Как правило, это происходило уже на первом допросе, где следователи также интересовались кругом общения обвиняемых и тем, был ли кто-то из их знакомых или родственников арестован НКВД. Можно согласиться с точкой зрения Журавлева, который утверждает, что подследственные довольно правдиво отвечали на такого рода вопросы, «опасаясь быть уличенными в неискренности и первоначально не зная версии следствия»³⁸.

Теоретически обвиняемый мог попытаться оправдать себя и, если тот или иной момент в его биографии был фальсифицирован, рассказать свою правдивую версию в ходе допроса. Однако на практике вычленив достоверные данные из протоколов допроса нелегко: в период «Большого террора» эти документы редко насчитывали больше 4–6 страниц, причем с обвиняемыми проводилось всего 2–3 допроса. «Элементарное сопоставление их лаконичного текста со временем, которое подозреваемые проводили в кабинете следователя, а также данные других источников приводят к выводу, что следователь фиксировал в протоколе не все, а выборочно – только то, что подтверждало версию обвинения»³⁹, – отмечает Журавлев. Кроме того, известны случаи, когда сотрудники НКВД могли просто не фиксировать показания обвиняемого до тех пор, пока он не признает свою вину. Этим объясняются многочисленные «паузы» между арестом и первым допросом, который был задокументирован в деле. Например, вахтера завода № 171 ОГПУ Карла Андреевича Вилистера арестовали 9 марта 1938 г., а его первый допрос прошел больше, чем через неделю – 18 марта. Он начался с вопроса следователя: «Вы арестованы и привлечены к ответственности как участник нелегальной контрреволюционной организации. Вы намерены давать правди-

вые показания как по существу вашего участия в ней, так и о контрреволюционной деятельности всей организации?» И далее ответа Вилистера: «Да. Я готов дать правдивые и исчерпывающие показания как о своей контрреволюционной деятельности, так и о деятельности нелегальной контрреволюционной организации, членом которой я являлся»⁴⁰. И далее следовал протокол допроса на 15 листах, в ходе которого арестованный называл имена всех своих знакомых «контрреволюционеров».

Крайне интересно также было бы установить, почему тот или иной человек был арестован в ходе «Большого террора» – статистическая обработка такого рода информации позволила бы лучше понять процесс репрессий. Иногда причина ареста явно крылась в биографических данных того или иного репрессированного. Как пишет А. Ю. Ватлин, при выборе подозреваемого «решающую роль играли национальность, место рождения, социальное происхождение, предшествовавшие судимости или административные наказания, наличие родственников за границей»⁴¹. Такими «пятнами» в биографии могли быть раскулачивание самого арестованного или его родственников, участие в восстаниях против советской власти в ходе гражданской войны, дворянское происхождение, длительное пребывание за границей, общение с представителями «инонациональностей» или иностранцами.

В ряде случаев арест того или иного человека можно объяснить арестом его друзей или знакомых. Иногда причиной задержания была жалоба (или донос) его соседей, сослуживцев или даже родственников. Например, довольно четко прослеживается причина ареста 71-летнего Н. В. Потапова – в деле есть фактически донос на него⁴². Проживавшая вместе с пенсионером племянница утверждала, что у пенсионера собираются «антисоветски настроенные элементы». Даже следователям НКВД были очевидны причины, по которым эта женщина, ютившаяся с мужем и маленьким ребенком в одной квартире с множеством других родственников, писала доносы. В октябре–ноябре 1937 г. сотрудники райотдела изучили ее жалобу, провели допросы свидетелей, но арестовывать Потапова не стали. Видимо, даже для осени 1937 г. оснований было недостаточно. Очередь Пота-

³⁸ Журавлев С. В. Судебно-следственная и тюремно-лагерная документация. С. 187.

³⁹ Там же. С. 168.

⁴⁰ ГА РФ. Ф. 10035. Оп. 1. Д. П-65853. Дело Вилистера К. А. Л. 8.

⁴¹ Ватлин А. Ю. Следственные дела 1937–1938 гг. С. 184.

⁴² GARF. Ф. 10035. Оп. 2. Д. 22837.

пова пришла в 1938 г. – 10 февраля пенсионера задержали и через 18 дней расстреляли.

Тем не менее, приходится констатировать, что приведенный пример исключителен и в абсолютном большинстве случаев определить точную причину ареста каждого конкретного человека по его архивно-следственному делу не представляется возможным. Обработать такого рода информацию статистически и представить достоверные данные «причин арестов» с привлечением только следственных дел невозможно.

* * *

«Книги памяти», безусловно, гораздо менее детальный и подробный источник, чем архивно-следственные дела. Последние дают больше информации о социальном происхождении и социальном положении репрессированных, их семейном и материальном положении и других

аспектах биографий. Сведения о предыдущей судимости, о членстве в дореволюционных политических партиях и об исключении из ВКП(б), имуществе до 1929 г. и раскулачивании, а также о круге знакомств позволяют исследователю предположить, почему каждый конкретный человек мог быть арестован (хотя речь может идти только о догадках, и чаще всего причина ареста не ясна даже из дела).

Однако даже следственные дела подвергались фальсификациям с различными целями. Сопоставление и выборочная проверка книги памяти «Бутовский полигон» показывает, что, по крайней мере, в Москве и области в мартирологии включалась наиболее достоверная информация из архивных дел. Поэтому, на наш взгляд, для базового представления о социальном портрете репрессированных использование «Книг памяти» представляется эффективным и необходимым.

Библиография:

1. Ватлин А. Ю. Следственные дела 1937-1938 гг. // Бутовский полигон. Книга памяти жертв политических репрессий. М., 2004. Вып. 8. С. 148-218;
2. Ватлин А. Ю. Террор районного масштаба: «Массовые операции» НКВД в Кунцевском районе Московской области 1937-1938 гг. М., 2004;
3. Головкова Л. А. Особенности прочтения следственных дел в свете канонизации Новомучеников и Исповедников Российских // Альфа и Омега. 2000. № 4 (26);
4. Журавлев С. В. Судебно-следственная и тюремно-лагерная документация // Источниковедение по новейшей истории России: теория, методология, практика. М., 2004. С. 153-210;
5. Журавлев С. В. Современные методы и новые источники изучения истории России XX века. М., 2010;
6. Иванов К. Ю. Информационные возможности «Книг памяти жертв политических репрессий» для восстановления истории религиозных организаций юга Западной Сибири // Проблемы истории, историографии и источниковедения России XIII-XX вв.: Материалы конференции, посвященной памяти профессора А. А. Говоркова. Томск, 2003. С. 203-208;
7. Кириллов В. М. Книги памяти жертв политических репрессий: историография и методология // Исторический журнал: научные исследования. 2011. № 5. С. 71-86.
8. Кириллов В. М. Увековечение памяти жертв политических репрессий в России (по материалам Книг памяти) // [Электронный ресурс]. URL: <http://vi.krsk.ru/arhiv.asp>;
9. Резникова А. Книги памяти как исторический источник // Международное историко-просветительское, благотворительное и правозащитное общество «Мемориал»: сайт. URL: <http://www.memo.ru/memory/martirof/books.htm> ;
10. Серегина И. Г. Крестьянство Калининской области в Большом терроре: следственные дела бывших кулаков как исторический источник // Сталинизм в советской провинции: 1937-1938 гг. Массовые операции на основе приказа № 00447. М., 2009. С. 151-176;
11. Состояние работы над книгами памяти жертв политических репрессий в России, Казахстане и Украине: сборник материалов по проекту «Возвращенные имена» / Сост. В. М. Кириллов. Нижний Тагил, 2002;
12. Юнге М., Бордюгов Г., Биннер Р. Вертикаль большого террора. М., 2008.

References (transliterated):

1. Vatlin A. Yu. Sledstvennyye dela 1937-1938 gg. // Butovskii poligon. Kniga pamyati zhertv politicheskikh repressii. M., 2004. Vyp. 8. S. 148-218;
2. Vatlin A. Yu. Terror raionnogo masshtaba: «Massovye operatsii» NKVD v Kuntsevskom raione Moskovskoi oblasti 1937-1938 gg. M., 2004;
3. Golovkova L. A. Osobennosti prochteniya sledstvennykh del v svete kanonizatsii Novomuchenikov i Ispovednikov Rossiiskikh // Al'fa i Omega. 2000. № 4 (26);
4. Zhuravlev S. V. Sudebno-sledstvennaya i tyuremno-lagernaya dokumentatsiya // Istochnikovedenie po noveishei istorii Rossii: teoriya, metodologiya, praktika. M., 2004. S. 153-210;
5. Zhuravlev S. V. Sovremennyye metody i novyye istochniki izucheniya istorii Rossii XX veka. M., 2010;
6. Ivanov K. Yu. Informatsionnye vozmozhnosti «Knig pamyati zhertv politicheskikh repressii» dlya vosstanovleniya istorii

- religioznykh organizatsii yuga Zapadnoi Sibiri // Problemy istorii, istoriografii i istochnikovedeniya Rossii XIII-XX vv.: Materialy konferentsii, posvyashchennoi pamyati professora A. A. Govorkova. Tomsk, 2003. С. 203-208;
7. Kirillov V. M. Knigi pamyati zhertv politicheskikh repressii: istoriografiya i metodologiya // Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya. 2011. № 5. С. 71-86.
  8. Kirillov V. M. Uvekovechenie pamyati zhertv politicheskikh repressii v Rossii (po materialam Knig pamyati) // [Elektronnyi resurs]. URL: <http://vi.krsk.ru/arhiv.asp>;
  9. Reznikova A. Knigi pamyati kak istoricheskii istochnik // Mezhdunarodnoe istoriko-prosvetitel'skoe, blagotvoritel'noe i pravozashchitnoe obshchestvo «Memorial»: sait. URL: <http://www.memo.ru/memory/martirol/books.htm> ;
  10. Seregina I. G. Krest'yanstvo Kalininskoi oblasti v Bol'shom terrore: sledstvennye dela byvshikh kulakov kak istoricheskii istochnik // Stalinizm v sovetskoj provintsii: 1937-1938 gg. Massovyie operatsii na osnove prikaza № 00447. M., 2009. S. 151-176;
  11. Sostoyanie raboty nad knigami pamyati zhertv politicheskikh repressii v Rossii, Kazakhstane i Ukraine: sbornik materialov po proektu «Vozvrashchennye imena» / Sost. V. M. Kirillov. Nizhnii Tagil, 2002;
  12. Yunge M., Bordyugov G., Binner R. Vertikal' bol'shogo terrora. M., 2008.